

ИМАН КАЛЫБИ

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ

Карима

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОБОЖГУ ТВОЮ ДУШУ

18+

Иман Кальби

Жестокие игры Карима.

Обожгу твою душу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72139660

SelfPub; 2025

Аннотация

–Это всего лишь договорной брак, Сибиль. Я даже не собираюсь спать с ней,– раздраженно бросил Карим.

–Но ты сам говорил, что для власти над их землями тебе нужен наследник от неё...– почти плакала девушка, отбиваясь от его рук.

–Не ревнуй к черной тряпке. Я даже лица ее не видел без никаба. Эта чертова свадьба с девчонкой Зороха ничего не изменит. Ты моя женщина,– он прижал ее к столу и прогнул.

Я сглотнула и шагнула в шатер.

–Что ты здесь забыла?! -бросил презрительно, сквозь зубы, продолжив вколачиваться в свою любовницу Карим, -Свадьба только завтра.

–Мне нужно поговорить... -голос предательски задрожал.

Завтра я стану женой жестокого сирийца, который поставил мой народ на колени, но меня не поставит... Я сожгу твою душу, Карим Увейдат...

Эта история- немного больше, чем просто любовный роман или философская притча. Взгляд на современность со стороны. Возвращение к своим корням, поиск первобытного "я". Почитайте- и исцелитесь.

–Мир "Одержимых наследников"

– Тот самый Карим Увейдат

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 12	51
Глава 13	57
Глава 11	64
Глава 14	70
Глава 15	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Иман Кальби

Жестокие игры Карима.

Обожгу твою душу

–Это всего лишь договорной брак, Сибиль. Я даже не собираюсь спать с ней,– раздраженно бросил Карим.

–Но ты сам говорил, что для власти над их землями тебе нужен наследник от неё...– почти плакала девушка, отбиваясь от его рук.

–Не ревнуй к черной тряпке. Я даже лица ее не видел без никаба. Эта чертова свадьба с девчонкой Зороха ничего не изменит. Ты моя женщина,– он прижал ее к столу и прогнул.

Я сглотнула и шагнула в шатер.

–Что ты здесь забыла?! -бросил презрительно, сквозь зубы, продолжив вколачиваться в свою любовницу Карим, - Свадьба только завтра.

–Мне нужно поговорить... -голос предательски задрожал.

Завтра я стану женой жестокого сирийца, который поставил мой народ на колени, но меня не поставит... Я сожгу твою душу, Карим Увейдат...

Глава 1

– Я оказываю честь бабилоныям тем, что сохраняю твою кровь, старик. Эта земля покрыта мною,– высокомерно и презрительно посмотрел с высоты своего двухметрового роста Увейдат на моего сгорбленного, подавленного отца,– я покрою и твою дочь. Родится наследник, который навсегда примирит души наших двух народов. Пройдут годы- и вы станете поклоняться мне, как божеству. Я принесу в эти места долгожданную цивилизацию.

По залу прокатился одобрителный шепоток. Кто-то из свиты завоевателя пошло ухмыльнулся, кто-то недовольно поджал губы...

Долгожданная цивилизация. Этим проклятым словом этот нелюдь называл строительство на нашей заповедной земле своих проклятых нефтегазовых заводов. Для этого он и пришел...

Я стояла в тени машрабии (прим.– закрытый внутренний балкон для женщин) и кусала щеку изнутри, борясь с ненавистью и отвращением. Я не хотела никакого примирения душ... Всем своим нутром я ненавидела Карима Увейдата, проклятого сирийского захватчика, пришедшего на нашу древнюю землю и поставившего наш народ во главе с моим отцом на колени.

Карим был врагом, который еще даже не прикоснувшись

ко мне, уже успел надругаться... Ему было плевать на то, что думаю я. Да что уж говорить, ему вообще на меня было плевать. Он «просил моей руки», если так можно назвать то унижение, которому подверглась сейчас наша семья, а сам даже не взглянул в мою сторону...

Согласно нашей традиции, жених должен был попросить разрешения поднять непроницаемый никаб на будущей невесте и посмотреть в ее глаза, но Карим с небрежной улыбкой бросил моему отцу, что ему совершенно все равно, как я выгляжу и что даже если у меня лицо ослицы или коровы, это совершенно не меняет дела.

«Главное, чтобы она была похожа на женщину между ног», – сказал он с ухмылкой.

Свита его прихлебателей- высокомерные и надменные военачальники, с презрением смотрящие на вавилонян и их традиции, при этом весело заржали.

А я до хруста костяшек стиснула кулаки, дав себе сотую клятву за этот день, что не прощу и отомщу...

Почувствовала на своем плече горячу руку Кассии- моей доброй воспитательницы... Няни в детстве, проводницы во взрослую жизнь, верной спутницы и помощницы... Как умерла мама, она стала самым близким человеком...

– Наглец не представляет, какую красоту прячут твои черные одеяния, – произнесла шепотом она, сверкнув взглядом ненависти в сторону расположившихся внизу незваных гостей, – он сойдет с ума, когда увидит эти белоснежные воло-

сы и фигуру богини...

– Остановись, Кассия, – прервала я ее резко, – мне не нужно его сумасшествие. Мне нужна его смерть!

Другие женщины, также занимающие сейчас машрабию, издали то ли писк, то ли возглас. Они боялись завоевателей. Боялись, но трепыхали, как это часто происходит с женщинами при виде более сильных самцов.

Вот только я смотрела на них без примеси страха, похоти и заискивания. Они были целью. Местью. Возмездием.

Оглядела зал еще раз. Вместе с Увейдатом в зале было еще четверо его самых близких людей. Хитрая Кассия проследила за моим взглядом.

– Тот, кто сверкает белозубой улыбкой на смуглом лице и громче всех вторит островам Карима, Ашур, его главный военный стратег и самый верный соратник.

Этот Ашур накануне был среди тех, кто насилует наших девушек, решивших бежать из города после прихода захватчиков. Я слышала это от своих прислужниц. Карима там не было. Он был занят совокуплением со своей «любимой женщиной», курдиянкой Сибиль, следовавшей за ним в «триумфальном походе» на нашу землю. Про их порочную связь слагали легенды.

– Хорошо, Увейдат, – произнес отец бесцветным тоном. Сейчас мне казалось, что он стал старше еще на десяток лет... – я отдам за тебя Инну.

– Инна, – произнес мое имя Карим, словно бы попробовал

его на вкус,— странное имя для этих мест...

— Это русское имя,— произнес, опустив голову отец,— ее мать была русской, которую я привез из России.

— Интересно,— протянул Карим,— моя мать тоже русская. Правда, сейчас она больше сирийка, чем любая местная женщина.

— Уверен, моя дочь тоже сможет стать частью твоего мира...

Карим со свитой снова разразились гоготом.

— Это вовсе не обязательно, дорогой тесть. Я не собираюсь делать твою дочь частью своего мира. Она только лишь сосуд для исполнения своей роли— дать мне наследника и стабильность власти над этими землями...

Я не готова была с этим смириться...

Я не была сломлена, как отец.

Я все еще наивно полагала, что цивилизованное начало в Кариме Увейдате победит кровожадность и алчные амбиции. В своем мире он был филантропом, меценатом, эксцентричным гением, сделавшим баснословное состояние на сфере IT независимо от возможностей отца, бывшего премьер-министра Сирии.

Но как он сам заметил, это был «его мир». Наш же мир воспринимался им как пережиток архаики, темное царство, закрытое в своем странном учении, далекое от цивилизации в его понимании...

И все равно я надеялась, что смогу поговорить с ним и

ВОЗЗВАТЬ К СОВЕСТИ И РАЗУМУ...

Глава 2

Мы вышли из дворца в направлении лагеря завоевателя, когда уже стемнело. Прислужницы помогли пробраться к его палатке незамеченными. А может просто нас не желали останавливать, прекрасно понимая, что от женщин этих мест опасности быть не может... Наивные...

Я подошла к нужному шатру и затаилась, услышав диалог двух силуэтов внутри...

– Это просто договорной брак, Сибиль. Фикция, потому что я даже спать не собираюсь с этой девкой, – раздраженно произнес Карим, вжимая в себя красивый стан девушки.

– Ты сам говорил, что для закрепления власти над землями этих вавилонских огнепоклонников, тебе нужно не просто взять в жены дочь их свергнутого правителя, но и сделать ей наследника...

– Зачем ты ревнуешь к черной тряпке? Я даже лица ее без никаба не видел, да мне и не интересно. Секс может быть разным, хабибти, – он резко прижал ее к столу, заставив чувственно выгнуться, – сунуть и вынуть или... как у нас с тобой...

Сглотнула колючий ком в горле и сделала решительный шаг в шатер. Охваченные страстью, они не сразу меня заметили. Первой- Сибиль, победоносно усмехнувшись и выгнувшись дугой, пока Карим громко стонал, вколачиваясь в

неё.

– Что ты здесь забыла?– кинул презрительно, даже не думая отрываться от своей любовницы,– наша свадьба только завтра.

Узнал сразу... Как? Я ведь полностью покрыта...

Хотя несложно догадаться, кто еще осмелится прийти к нему... А может ему сразу донесли, кто идет к шатру, а мы только играли в конспирацию...

– Мне нужно поговорить с Вами...– сипло произнесла, теряя почву под ногами. Уверенность рядом с ним рассыпалась, как фигурки из пересушенного песка.

– Я занят, как видишь! Вышла вон! Ты не для разговоров мне нужна.

Я не шевелилась. Несмотря на унижение, не сдвинулась с места, молчаливо взирая на этот животный акт.

И только после того, как он удовлетворился и оторвался от своей женщины, скользнувшей по мне острой, лукавой улыбкой, собирая свои вещи с пола и выходя из шатра, небрежно посмотрел в мою сторону.

– Ты тупая? Или понравилось смотреть?

Если бы не плотная ткань никаба, он бы смог увидеть, как передернуло мое лицо от отвращения.

Разве это может нравиться? Разве Он может нравиться?

Такая дьявольски совершенная красота- идеальные мышцы сильного тела, бронзовая кожа, чуть отросшие темно-пепельные волосы, спадающие на лоб... И такой мертвый внут-

ри... Словно бы выжженный.

Я видела его пустоту. Меня нельзя было обмануть...

– Я сказала, что мне надо поговорить, – сжав зубы и кулаки, продолжала давить.

Карим выругался, глубоко вздохнул и улегся на тахтамейку, окинув мой черный силуэт полным пренебрежения взглядом.

– Только потому, что мне лень сейчас продолжать этот нелепый спор, я даю тебе минуту, чтобы сказать, что ты там хочешь сказать. Заранее говорю, любые убеждения меня не брать тебя замуж бессмысленны. Я сам не желаю этого ни на грамм... Так что если это тема, которую ты так настойчиво хотела поднять, то зря...

Эта... Да, я хотела убедить его, но... холод и жесткость в этих отливающих холодным блеском глазах сейчас отчетливо сообщали мне, что это и правда бессмысленно... Он не отступит. Наша свадьба – моя данность. Набор карт, оказавшихся в моих руках. Но никто не сказал, что во время игры я не смогу получить нужные мне козыри...

И тогда я решила использовать второй путь... Запасной и более изощренный. Наша мудрость гласила, что единственный способ обмануть умного врага – повести его путем, опасность которого он недооценивает...

– Я не буду отговаривать Вас брать меня в жены, но... хочу, чтобы в таком случае были соблюдены три условия нашего союза... Так требует наша традиция...

Глава 3

– Какого иблиса я должен следовать вашим традициям? – грубо осек меня он перекинув одну ногу на другую и открыв передо мной подошву своей обуви – символ вопиющего неуважения на Востоке.

Небрежно похлопал по карманам и вытащил сигарету. Американская марка. В этом совершенно архаичном интерьере, в нашем архаичном закрытом мире они и правда казались какими-то почти инопланетными... Закурил, выпустив густое облако дыма в потолок.

– Разве не ради традиции Вы берете меня замуж? Вы хотите лояльности людей, которые ставят во главу угла свои традиции и обычаи, так дайте им это... Иначе этот брак будет бессмысленным с самого начала...

На удивление мои слова произвели на него эффект.

– Говори. У тебя осталось пятнадцать секунд от выделенного времени.

Захлебываясь от предвкушения, я выпалила, как на духу.

– Первое. Мы отложим наш свадебный обряд на две недели. Потому что на это время приходится праздник Акиту- им традиционно отмечают союз двух наших верховных богов-богини Иштар, покровительницы любви, плодородия и войны и Мардука, верховного бога всего сущего. Все правители испокон веков по традиции заключали брачный союз в храме

Иштар в пустыне в этот день. Такой брак станет легитимным в глазах бабилийцев, в отличие от простой консумации.

– Хорошо, дальше,– он слушал с интересом. И даже, казалось, забыл о времени.

– Второе...– я нервно сглотнула, потому что разговор о следующем пункте программы вызывал дикий прилив стыда. Хотя чего стыдиться. Вокруг меня все было измазано сплошным позором...– сама консумация... Согласно нашей традиции, она происходит не традиционным путем... Жрицы разрывают девственную плеву невесты специальным предметом. И только после этого происходит половой акт между партнерами...

Карим хохотнул, закатив глаза.

– Ты хочешь, чтобы твою плеву порвала палка? Варвары... В чем смысл?

– Так есть стопроцентная гарантия, что невеста чиста... А... не вступила в сговор с женихом и не попыталась обмануть... Для наших мест целомудрие невесты стоит на первом месте...

Он снова презрительно закатил глаза. Не нужно было быть супер-проницательной, чтобы догадаться, что такому, как Карим, было плевать на целомудрие невинной девушки...

– Ладно. На это я тоже согласен. Мне все равно, как ты лишишься девственности. Последняя нелепость, жду...

– Последнее...– снова нервно сглотнула,– праздник Аки-ту длится двенадцать дней... И завершается ритуалом об-

новления или другими словами- иерогамией... Я бы хотела, чтобы он тоже был соблюден... Пообещайте мне...

Вдаваться в подробности, что именно стояло за этим обрядом специально не стала...

Карим встал. Нет, не для того, чтобы подойти ко мне. Он устало потер глаза и размял плечи, игнорируя мое присутствие, словно бы я муха или моль...

– В сухом остатке... Ты хочешь, чтобы свадебный ритуал прошел сообразно канонам праздника Акиту, включающего двенадцать дней нелепых плясок и молитв лживым богам... Правильно я уловил суть?

Я поджала губы, чувствуя очередной прилив ненависти.

– Хотите закрепиться на этих землях, соблюдете обрядовость... Это мое условие, господин Карим.

– Условие?– поднял бровь иронично.– Условие предполагает торг. Так о чем ты со мной торгуешься, принцесса бабийцев?

– Вы обещаете мне, что соблюдете все три части ритуала, о которых я сказала. Если вы нарушите два из них, то... я буду свободна и смогу уйти от Вас... А еще... Вы не станете глумиться над нашей землей и не будете строить здесь свои проклятые нефтяные заводы. Если нет... безропотно приму Вашу власть надо мной...

Он встал.

Подходил медленно. Уголки его губ нервно дрожали. То ли в ярости, то ли в презрении.

Остановился в метре.

– Мне бы выставить тебя за пределы шатра, схватив за черную уродливую тряпку, но... мне даже забавно, знаешь... Мне говорили, что женщины бабилоныяны- глупые, забитые, ничтожные существа... И потому... слушать тебя сейчас развлекательно... Хорошо, огнепоклонница. Слово Карима Увейдата. Я соблюду эти нелепые обычаи. И ты станешь безропотной рабыней, пригодной только на одно- стать сосудом для моего будущего сына... Ты уже проиграла. Потому что мы смотрим на этот мир несоизмеримо по-разному. Ты цепляешься за иллюзию, за пустые обряды и лживых богов, которых давно нет. Я живу логикой и прагматизмом. Помни мое слово, спустя год я вспашу эту девственную землю, чьи недра несправедливо богаты нефтью, и превращу их в большой завод. А ты будешь носить в себе моего ребенка, потому что точно так же я вспашу и тебя. И если для этого мне нужно выполнить какие-то нелепые ритуалы, я согласен.

Его безукоризненное лицо искривила дьявольская усмешка.

Карима Увейдата называли огнедышащим драконом. Говорили, на его груди даже высечена татуировка с мифологическим зверем, внушающая сакральный ужас его врагам.

Но я не боялась его...

В ту ночь, у священной лампы, смотря на портрет моей умершей русской матери, я поклялась, что сожгу душу Карима Увейдата, как сжигала своих врагов богиня Иштар...

Он заглотив наживку...

Партия началась...

Наивный гений Карим Увейдат...

Не стоит недооценивать женщину с сердцем бабильянки
и душой женщины с русского Севера.

Глава 4

– И все равно ума не приложу, какого иблиса ты согласился на эти доисторические пережитки, Карим,– раздраженно выдохнул Ашур, залезая на своего верблюда,– переход по пустыне караваном? Словно бы мы Омейяды (прим.– династия арабских халифов, правящая на территории современной Сирии 6- 7 веках нашей эры). Почему нельзя пересесть на более современные виды транспорта и нормально переехать на Кипр, а идти на поводу у этих темных людей.

Я усмехнулся.

Глупая девчонка через черную тряпку осмелилась бросить мне вызов. Словно бы она равная. Словно бы она могла даже на толику соперничать со скоростью моей мысли.

При другом раскладе я бы не повелся на эту глупую провокацию, но от тщедушного, закрытого полотном тела разлила такая волна ненависти и презрения, что мне стало даже забавным.

Она и правда думает, что эти чертовы ритуалы что-то решают? И правда цепляется за жизнь в этом убогом, архаичном месте?

Бабилоняне на протяжении столетий отказываются принимать развитие цивилизации, которое происходит вокруг них. Эти странные люди живут так, как завещали их потомки, закрыто и обособленно. Поклоняются языческим бо-

гам, воспевая культ огня как чего-то сакрального, отвергают электричество, телевидение, интернет, мобильную связь, нефть и газ. А ведь эти земли сказочно богаты последними... Из-за ископаемых я и решил положить конец нелепой автономии горстки диких людей, загнавших себя в черный чулан сознания точно так, как они обрядили своих женщин в непроницаемые тряпки, закрывающие даже глаза!

Быстро запрыгнул на своего дромедара (прим.— одnogорбый караванный верблюд, используемый для верховой езды по пустыне. Способен быстро преодолевать большие расстояния). Окинул взглядом растянувшуюся процессию. Где-то в хвосте ехали повозки с женщинами, среди которых была и черная тряпка, бросившая мне вызов... Нелепость.

– Пусть это будет для тебя очередным веселым приключением, Ашур. Ты ведь любишь все экзотическое...

– Повышенной комфортности,— с хохотком подхватил кто-то из ребят. Переход до храма Иштар, затерявшегося в самом большом оазисе, займет три дня. Оттуда я перелечу домой на вертолете, та как дела не ждут. А огнепоклонница пусть остается и молится своим богам. Мне в сущности наплевать, что она будет делать дальше. Не собираюсь брать ее с собой. Сибиль взбесится. Оттрахаю её, заделаю ребенка и оставлю брюхатой здесь.

Хотя бы Сибиль не будет докучать своей нелепой, бессмысленной ревностью. Женщины всегда уделяют этому обстоятельству слишком много внимания. Всего лишь пер-

вый раз. Всего лишь болезненный физиологический процесс. Никогда не понимал этой маниакальной помешанности на желании иметь неумелых, робких целок, к которым нормально и прикоснуться нельзя.

Как же смешны эти странные эмоции людей, а особенно женщин, ставивших во главу угла чувства. Как же нелепы мужчины, идущие тем же путем и уподобляющимся женщинам.

Когда я рассказывал об условиях Инны, лицо моей курдияночки просияло. Ну, хоть кто-то нашел в этом нелепом приключении нечто прекрасное. Мне же нужно было стоически выдержать повинность.

В одном эта девка была права- если я хотел покорности и лояльности бабилонян, я должен был создать хотя бы фикцию соблюдения их обычаев...

Погода весной в пустыне была непредсказуемой, но не нестерпимо изнуряющей. Современные виды палаток и термоодеял, которым я снабдил наш караван вопреки неодобрению местных дикарей, спасал от стужи ночью. Зато днем солнце не прибывало к земле изнуряющей жарой. Мы совершили переход на полдня быстрее, чем планировали. Возможно, потому, что в процессии не было детей- а значит остановки делали только на ночлег.

Я любил пустыню. Возможно, не так, как ее любят арабы-бедуины, но она завораживала меня умением очистить мозг и дать освобождающую перезагрузку. И на второй день

перехода даже чувствовал некоторую прелесть этому очищению души и тела... Я даже предугадывал мысли дикарки... Она была убеждена, что пустыня начнет терзать меня и играть со мной, как это часто происходило с чужаками, но этого не происходило. Со мной тяжело тягаться в игрищах. Это я обычно играю. Жестоко и жестко...

Снова подумал про тряпку и даже усмехнулся. А ведь говорят, что ее мать русская... Как так получилось, что она не смогла вытянуть дочь из черного колодца этой обреченной культуры? Неужели не рассказывала о своей родине, неужели не открывала глаза на действительность окружающего мира? В конце-концов, неужели не возила на родину...

– Охрана говорит, что через час мы будем на месте, Карим, – послушался сбоку голос Ашура, – на горизонте уже можно увидеть развалины храма. Мне интересно, они и правда верят в эту чушь?

– Верят, Ашур, – устало отозвался я, – если бы не верили, я бы не участвовал в этом первобытном действе...

Первобытное... Если бы я знал, как был прав тогда... И к каким первобытным инстинктам меня толкнет то, что вот-вот начнет происходить всего через считанные часы.

Храм Иштар был действительно виден издалека. Путь к нему по песчаной тропе освещала линия из масляных факелов. Стоило нам на нее взойти, как на встречу вышел странный мужчина с разрисованным неизвестными символами лицом и закутанный в серую ткань.

–Верховный оракул ждет вас, правитель!– произнес он без приветствия,– ваши люди могут остановиться здесь, у входа в оазис- разбить лагерь и отведать приготовленную нами еду. Женщины вместе с невестой должны удалиться в храм для подготовки обряда. А Вы... Вы отправитесь со мной...

В горле рос протест. Почему я должен слушать немощного старика? Почему вообще не рассмеюсь над этим нелепым театром, но зреющий внутри интерес заставлял все-таки промолчать...

Мы свернули направо. Только вдвоем... Я, слезший с верблюда, и старик, ведущий меня в какую- то саманную развалину.

Глава 5

Жаркий ветер Вавилона трепал пламя факелов, когда старый жрец, укрытый тканями багряного цвета, склонился над нашей с расплавленным золотом. Его губы дрожали, глаза смотрели в темноту, куда смертные не осмеливались заглянуть.

Обычная смертные, но не я... Для меня происходящее сейчас скорее напоминало нелепую театральную постановку плохих актеров. Придет время- и я разгоню этих шарлатанов, но сначала нужно освободить сознание бедных людей, живущих веками под гнетом невежества.

Жрец вдохнул дым ладана, его тело вздрогнуло, а затем, голосом, в котором звучал шелест песка и гул древних звезд, он произнес:

– Представь! Мир после победы над хаосом, Мардук- верховный бог- взошел на трон богов, но его сердце осталось пустым. Иштар, свободная, огненная, с золотыми волосами, приправленными песком пустынь, пришла к нему -не как покорная жена, а как буря, что не подчиняется законам.

«Ты создал мир, -шептала она, касаясь его губ своими. - Но я научу его любить...»

Он -мудрость и власть. Она -страсть и разрушение. Он хотел порядка, она жаждала хаоса. Их связь не могла быть вечной, но каждую весну они встречались в танце богов, соеди-

няя небо и землю, силу и желание, разум и сердце.

И когда в Вавилоне начинался праздник, жрецы воссоздавали этот священный союз - акт любви, от которого расцветали сады, наполнялись зерном амбары, и люди верили: пока Мардук и Иштар встречаются, жизнь продолжается. Вот в чем смысл обряда, частью которого ты избран стать...!

– Избран? – не смог сдержать надменную усмешку, – кем? Я сам себе господин, старик. Ты заблуждаешься под парами ладана...

– О царь великий, будь внимателен, – усмехнулся старец, словно бы пропустив мои слова мимо ушей, – Из утробы богов вышла она, в волосах её - ночные грозы, в глазах - бездна, что затягивает души. Не мечом она завоюет этот мир, но огнем - тем, что прячется в ее крови.

Жрец поднял руки к небу.

– Горе тому, кто коснется ее сердца! Он не владеет ею - она сожжет его душу, как солнце сжигает последний туман рассвета. Он забудет имя свое, забудет волю свою, ибо любовь ее подобна пляске факелов в бурю: прекрасна, неукротима и смертельна.

Я глубоко вздохнул, борясь с желанием заткнуть бесполезного старика более действенным способом. Просто развернулся и пошел на выход, желая побыстрее покончить с представлением этих дикарей.

А сумасшедший продолжал кричать в спину:

– И где-то в глубине дворца, в садах, усыпанных розами,

она смеялась, не зная, что ее судьба уже написана -и что кто-то, кто посмотрит в ее глаза, обречен гореть в них, пока не останется лишь пепел...

Глава 6

– Ну что, как твой сеанс экзорцизма?– усмехнулся Ашур, откидываясь на мягкой дивании, предвещающей ступенчатый вход в храм, сейчас играющий роль импровизированной лестницы. Судя по всему, гости заняли свои места. Цирк продолжится. И самое нелепое- что я главное действующее лицо в этом нелепом маскараде. Никогда не любил быть клоуном... Я вообще всегда старался держаться вне обрядовости и церемониала. Потому, наверное, так и не смог найти точек соприкосновения со своей семьей и всегда был белой вороной. Старший брат Микаэль тоже отличался бунтарским нравом, но его амбиции в сухом остатке тоже сводились к власти- просто он устанавливал ее через власть денег и бизнеса. Самая близкая мне по крови- сестра- двойняшка Амаль, так вообще стала синонимом слова протокол, церемониал и власть. Ее муж был правителем Эмиратов Дубая, а она блистала, как самая яркая звезда в Аравийской пустыне. А я... я всегда хотел идти вне системы. И дураки те, кто считает, что мой приход на землю бабилоныян- это жажда экспансии и власти. Это жажда революции. Я хочу менять, я хочу шокировать, я хочу совершать такие выпады и маневры на мировой арене, чтобы меня было слышно и видно даже без амбиций тупо сидеть на троне и контролировать лимитированную территорию. Мой мозг не зажат в тиски этих стерео-

типов. И дурак тот, кто это не понимает во мне... Потому и эти ритуалы чертовы, придуманные Инной, стали тем еще испытанием на терпение...

Мда, черная тряпка не зря меня испытывала- уже было желание послать к чертям их нелепые пляски и прекратить невыносимую тягомотину.

–Расслабься, брат,– увидел, как сжимаю челюсти в раздражении,– выпей лучше местного вина. Вот, мы уже залили себя- и нам хорошо и весело.

Смешок Ашура подхватили и другие мои члены команды. Здесь были самые верные приближенные. Те, на кого я полагался во многих делах. Ашур –первоклассный стратег. Я переманил его в команду из крупнейшей компании по разработкам современного вооружения. А еще, как бы смешно ни звучало, он был номер один на континенте по игре в Танчики. Да-да, те самые танчики, на которые современные мужики тратят столько времени. Старое поколение убеждено, что это просо блажь, а это стратегия... И ее можно конвертировать в дело.

Немногие задумываются, что война в наши дни- это не рудиментальное махание мечами, а техника, беспилотники, почти что математический расчет. Ашур с лихвой справлялся со своими обязанностями и потому сейчас был ближе всех.

Рядом и другие мои парни- айтишники, ученые из Кремневой долины, аналитики. Для них происходящее тоже ка-

залось каким-то путешествием во времени. Наверное, когда достигаешь всего и все пробуешь в жизни, и возвращаешься вот к такому- экзотика и драйв, нечто первобытное, что испытывает твое тело на инстинкты. Я бы тоже так хотел и с удовольствием сейчас отдался бы этому чувству, но факт того, что именно я тащил ярмо на ше бесил несказанно...

– Перестань так дуться, Каримджи, – похлопал по спине Ашур, – месяц назад мы ездили на крутое техношоу на пирамидах в Египет. Воспринимай это так же... Или помнишь, иммерсивное эротическое представление в Венеции с «честными куртизаночками». Было круто...

Критически осмотрелся по сторонам. Да, если отключить раздражение, происходящее и правда можно было оценить как красивую историческую иммерсивную постановку.

В храме тьму разгоняли сотни масляных светильников. Статуя Иштар возвышалась над жрецами, ее рубиновые глаза мерцали в свете пламени.

Монотонные песнопения жрецов были рассчитаны на то, чтобы ввести в полутранс.

Вдруг все звуки резко оборвались. Над храмом повисла дребезжащая тишина. Будто сам воздух задержал дыхание в предчувствии. Лунный свет скользил по колоннам, по мраморным ступеням, по коже тех, кто затаился в ожидании.

Пологи белой ткани качнулись на слабом ветру и вовсе были сдернуты с величественных многовековых колонн. В

центре зала, окруженные сотнями горящих светильников, стояли они – жрицы Иштар, богини любви и страсти.

И когда первый удар барабана сотряс воздух, начался танец.

Я заметил точеную женскую фигуру под тонким слоем белой органзы почти сразу. Она выделялась гибкостью стана и тем, что держалась по центру, величественно. Заинтересовался... Что это? Эти красавицы живут в этих песках? Такие тела пропадают за зря?

Ее лицо было закрыто более плотным слоем, не давая возможности увидеть черты, а вот фигуру можно было рассмотреть в подробностях... Высокая аппетитная грудь, осиная талия, покатые бедра, бесстыдно скрытые едва заметной золотой полоской между ног. Чистый соблазн.

Я бы трахнул эту девочку...

Жрицы ведь- те же куртизанки?

Красотка шагнула вперед, и с её движением загорелись угли в глазах других мужчин, собравшихся в храме. Мои друзья смотрели на нее с алчной жадностью- а я поймал себя на мысли, что меня это раздражает... Я хотел ее себе. А почему бы и нет? Я уже привозил себе любовниц из других стран. Сибиль раздражалась, но быстро уходила. Так почему бы не забрать красавицу из этого Богом забытого места? Тряпка даже не узнает об этом. Я проверну это у нее за спиной, а девочка точно не откажется уйти из этого древнего склепа в будущее.

Хороша. Определенно. Её тело скользило в воздухе, словно змея, сплетающая судьбы, словно тень пламени, то приближающаяся, то отступающая.

Полупрозрачные ткани одежды колыхались, приоткрывая то изгиб бедра, то тонкую талию, то точеную шею, обнаженную в плавном наклоне.

Прислужницы двигались в такт, словно цветы, тянущиеся к солнцу. Их руки рисовали в воздухе узоры древних желаний. Они не касались друг друга, но между их телами будто пробежал электрический разряд, игра теней и дыхания, обещание, которое нельзя исполнить.

Барабаны били все сильнее. Воздух наполнился жадой порока. Он сочился из каждого присутствующего. Считывался в жадном дыхании моих людей, сжатых кулаках, натянутых ширинках. Странно... Если бы я выпил, решил, что это какое-то варево, подмешанное мне, а происходящее - галлюцинации...

Глава 7

Барабаны ускоряли ритм.

Девица подняла руки, ее пальцы скользнули по покрывалу, скрывающему голову и волосы, по шее, по плечам. Почувствовал дикий прилив крови к члену. Я хотел ее. Хотел посмотреть в ее лицо. И исказить его жестким напором своего обладания. Чтобы каждый мой резкий толчок в глубину ее узкого лона отдавался страхом, восторгом, обожанием, принятием и удовольствием... Уже точно не сомневался, что возьму. Простая, ни к чему не обязывающая связь. Просто утоление острого желания. Как в юности... Просто давно не было так остро. Я уже успел забыть это чувство...

Вихрь тел кружился под сводами храма. Золотые браслеты звенели, тонкие цепочки скользили по коже, свечи отбрасывали на стены силуэты, похожие на древние наскальные рисунки – первобытные, животные, зовущие.

А затем – тишина.

Она стала такой внезапной и звенящей, что мне показалось, что я слышу звезды- они загораются и гаснут, падают, взрываются и надменно над нами доминируют, лишь усмехаясь скоротечности жизни человека, возмнившего себя вершителем судеб...

Она снова выделилась из толпы изящных тел. Двигалась нам на встречу, от чего толпа замороженно загудела. Три

изящных шага, почти не касаясь земли. Остановка в метре от меня. Мне кажется, от интереса я даже дышать перестал.

Поднимает тонкие запястья к голове, касается плотной ткани и поддевает золотые застёжки, крепящие ее на волосах. Публика охает, потому что ткань падает к ногам, открывая путь каскаду из белоснежных волос ниже бедер. Даже в темноте они светятся не меньше, чем огненные факелы.

Мгновение- она касается ушей- и снимает вторую повязку, уже с лица. Я не дышу. Алчно вглядываюсь в ее лицо. Идеальное. Ее губы чуть приоткрылись, будто после поцелуя, ее грудь вздымалась от бешеного ритма еще пульсирующего в наших жилах танца соблазна, а глаза -глубокие, темные, наполненные бездной -смотрели прямо в меня.

Ни один мужчина не мог вдохнуть. Я чувствовал такую концентрированную жадность до ее красоты, что аж фонило.

Жрица опускается на колени передо мной. Но не для того, чтобы заявить о своей покорности.

Ее полные, созданные для порока губы, чуть заметно дрожат в победоносной усмешке. И в то же время эта усмешка робкая. Хочу жрать эти губы. Хочу развращать их. Заставлять пить мой порок, заражать моей испорченностью.

Не контролируя себя, резко протягиваю руку и хватаю ее за затылок, придвигая к себе.

Она повинуется. И снова улыбается. Шире Я вдруг вижу презрение и превосходство в ее глазах...

– Ну, здравствуй, жених,– произносит едко.

Инна?! Какого иблиса?!

А потом словно бы невзначай, украдкой, с очевидным женским интересом переводит глаза на моего ближайшего сподвижника.

Ашур смотрит в ответ. Я чувствую излучаемый в ответ ядерным взрывом интерес. Его глаза возбужденно горят. Грудь яростно вздымается.

Он плывет от этого ее взаимного внимания.

Пропускаю несколько вдохов.

Нет, уже не от экстаза.

От ярости.

Сучка Зороха.

Она решила посмеяться надо мной...

Мелкая ведьма, завернувшаяся в черную тряпку, подобно джинну, спрятавшемся в лампу.

Я удушу её за строптивость и высокомерие.

За то, что посмела вот так оскорбить своим взглядом на равных.

Хватка на шее усиливается. Улыбка чистейшей, идеальной красоты искажается гримасой боли.

Она вскрикивает, когда я резко встаю и поднимаю ее, как куклу- марионетку.

– Карим, остынь!– слышу сбоку ошалевший голос внезапно проснувшегося в Ашуре рыцаря.

Скалюсь на него, как хищник.

– Еще один шаг или взгляд – и ты окажешься в компью-

терном классе учителем информатики средней школы в самом бедном городе Сирии.

Сильнее сдавливаю ее талию.

Перекидываю через плечо и иду в сторону разбитой в лагере для меня палатки.

Глава 8

– Пусти!– кричу, яростно брыкаясь.

Смелость и бравада, с азартом толчками разлившиеся по крови, тут же испарились, как пары, уступив место сковывающему страху.

С кем я вздумала играть в нелепые игры?

– Пусти!– на силу пытаюсь отбиться, но это бесполезно.

Сильные руки Карима зажали мою талию в тиски.

Его шаг уверенный и размашистый.

Наши тела соприкасаются- и я понимаю, какой жар ярости от него исходит! Отчего эта ярость? Было бы забавно, если бы не так страшно.

Открывает полог шатра, бесцеремонно кидая меня на лежанку.

Я тут же группируюсь и поджимаю ноги.

Дикие глаза впиваются мне в лицо. Желваки играют, как жернова.

– И что это за цирк, наглая девка?!– кричит он яростно,– посмешище

решила из меня сделать?

– Не понимаю, о чем ты. Это традиция...– вскидываю подбородок.

– Ускути (араб.– заткнись)!– кричит он мне,– хватит прикрываться проклятыми традициями! Ты просто решила ме-

ня одурачить, заодно и опозорить, раздевшись перед всеми моими людьми!

Я вскидываю бровь с вызовом.

– А в чем проблема, жених? Ты ведь сам сказал, что тебя совершенно не интересует, что под моим никабом- пусть я буду похожа даже на осла! Раз тебе плевать, то в чем проблема?

– Не передергивай!– раздраженно морщится он,– неважно, ослица ты, львица или блудница- ты не будешь гулять голышом перед моими людьми, вводя их в искушение.

Криво усмехаюсь. Отвожу глаза.

Он ловит эту мою эмоцию и злится еще сильнее.

Мгновение- оказывается совсем рядом. Нависает. Его грудь невольно касается моей нервно вздымающейся груди.

– Ты наивно полагаешь, что я не видел девки со светлыми волосами, смазливой рожицей и неплохими сиськами? Для этого эта игра? Удивить меня решила? – нагло осматривает,– Смею тебя разочаровать, принцесса- дикарка, в нормальном мире такая форма красоты- самый ликвидный товар. Ближний Восток перенасыщен такими, как ты. Только с той разницей, что они умелые, покладистые и готовые на всё! Я молодой мужчина- и когда девка извивается передо мной, откровенно себя предлагая, мой организм реагирует. Это как жажда или голод, как сон или любой другой биологический процесс. Смешно. Ты смешна!

Его слова меня никак не задевают. Я просто снова вздер-

гиваю нос.

– Мне совершенно все равно, чем перенасыщен рынок таких, как ты и тебе подобных. Если бы ты проявил хотя бы грамм уважения к моему народу, то ничего странного в моих действиях бы не нашел. Это всего лицо обряд! Я была мифической реинкарнацией богини Иштар. Это брачный ритуал. Он священен. Так делают все невесты правителей, которые являются мифической реинкарнацией бога Мардука. Жрец должен был тебе рассказать, только ты наверняка не слушал!

Он хитро и жестко усмехается, а его глаза темнеют. И пусть он говорит, не моргая, что я никак его не трогаю, яростно пульсирующая сейчас на виске венка красноречиво свидетельствует об обратном... пусть это просто звериное желание. Мне и не нужно большего, чтобы добиться реализации своего плана.

– Брачный ритуал, говоришь? – усмехается мрачно.

И вот сейчас его усмешка мне совсем не нравится.

Поджимаю коленки. Стискиваю бедра настолько, насколько это вообще возможно.

Что сейчас ждать от этого бешеного сирийца?

Я унизила его. А он...

Наверняка постарается унижить меня!

Мои планы вмиг смазываются о банальную женскую неуверенность на фоне необузданной похоти мужчины...

Ловя его взгляд, предостерегающе выставляю руку вперед.

– Ты помнишь, что обещал?! Ты исполнишь все ритуалы, или..?

– Я обещал, что исполню два. Но у меня есть право на одну ошибку, правда? Таково ведь условие... Понятия не имею, зачем это тебе, но я согласился на нелепую блажь...

– усмехается он черно и порочно и больно стискивает мое бедро,– ты так охотно демонстрировала себя моим людям, вавилонская дева. Так может продолжим? Ведь в конечном итоге это все равно произойдет- я все равно возьму тебя и ты все равно от меня понесешь!

Выкручиваюсь из его прикосновений. Они противны мне. Они жгут кожу. А ведь надо терпеть... Это хорошо, если он сейчас оступится... Мне это только и нужно... Перебороть себя...

Вопреки гордости и достоинству...

Хватает за шею и давит на нее, заставляя раскрыть рот, как рыбу.

– Слушай сюда, принцесса огня. Ты больше не посмеешь пытаться меня одурачить и уж тем более выставить идиотом в глазах моих же людей! Правила меняются. Никто не говорил, что появление нового правителя из чужих земель не может вносить, скажем, изменения в сложившийся порядок вещей.

– О чем ты?– говорю не своим, осипшим голосом,– ты обещал...

Он порочно, победоносно усмехается.

– Завтра перед закатом ты лишишься девственности, Иннана. И нет, мы не нарушим вашего паршивого закона. Тебя лишат девственности, как положено. Палкой жрицами? Таков был уговор? Вот только... я буду присутствовать при этом обряде и с удовольствием посмотрю на то, что с тобой будут делать. Во все подробностях...

– Нет! – кричу в отчаянии.

– Да, невестушка, – небрежно проводит костяшками пальцев по лицу и откидывает меня на простыни, – Что ты там говорила? «Так есть стопроцентная гарантия, что невеста чиста... А... не вступила в сговор с женихом и не попыталась обмануть... Для наших мест целомудрие невесты стоит на первом месте...» Дословно повторил? У меня нет гарантии, что ты не вступила в сговор со своими жрицами. А вот в твоей невинности после твоего вульгарного танца я начал сомневаться... Так что завтра на закате, после брачной церемонии вашего бредящего под парами эфира жреца ты лишишься невинности.

Зажмурилась, обессиленно всхлипывая. Он загнал меня в тупик...

– Сегодня выдыхай. Будешь спать в шатре и я тебя не трону. Пойду присмотрюсь к другим сочным вавилонским блудницам, так сладострастно себя предлагавшим во время обряда. Уверен, ни одна из них мне не откажет. Ни сегодня, ни когда-либо...

Глава 9

В моём восприятии ситуации что-то незримо изменилось. Нет, я все так же ненавидела Карима. Возможно, даже сильнее, чем раньше. Теперь он не просто умозрительный враг, он из плоти и крови, он осязаем, достигаем...

Появилось другое чувство. Чувство стыда. Простого девичьего стыда. Я могла сколько угодно играть роль роковой соблазнительницы- жрицы храма Исиды, но моя суть оставалась неизменной- я просто растерянная, обиженная, испуганная девушка, оскорбленная и загнанная в угол. Мне бы хотелось поплакаться у матери на коленях, забыть о своей реальности в гостях на даче у русской бабушки в Подмосковье, безмятежно поедая приготовленную ею сдобу и читая русских классиков, как я делала это в юности, но нет.... я здесь, в настоящем, в этом кошмаре.

И изощренный мозг Карима решил сделать этот кошмар еще более чудовищным. Не зря его называют злым гением. Голова этого мужчины работает на несколько минут вперед твоего. Он никогда не промахивается. Я думала, это все рассказы и стереотипы. Дешевая реклама.

Но нет.

Сейчас, стоя у зеркала в пол и смотря на свое безукоризненно прекрасное белое одеяние невинности и чистоты, я поняла всю изощренность его мышления. Я ошибалась, ду-

мая, что начну партию и обеспечу себе несколько ходов вперед, пока он поймет, что мы играем. Он сразу включился и сразу стал крыть...

Он решил меня унижить. Унизить за то, что я унизила его. И самое обидное, что сейчас любое мое поведение станет его победой. Изображать равнодушие- глупо. Плакать от боли и страха- еще глупее. Играть роль веселухи, которой приятно происходящее или еще нелепее- бросать ему взгляд-вызов с намеком и подтекстом- стать посмешищем для такого, как он... Хара (араб.- дерьмо)...

Как же шикарно это слово характеризовало мое отношение к происходящему и одновременно с тем эмоции...

– Вы готовы, госпожа?– спросила меня Кассия, заправляя выбившуюся из прически прядь. Колоски на голове придавали мне какой-то античный, почти картинный вид. Я видела тоску в глазах своей воспитательницы, любящей меня, как мать. Она сожалела, что моя женская роза будет растоптана так нелепо, так по-варварски.

Кассия, подобно Кариму, не была родом из Вавилонии. Ее родиной был сирийский Дамаск, как ни парадоксально, родина Карима. Это от нее я слышала, что сирийцы- мягкие, романтичные, чуткие мужчины, пылкие любовники и лукавые оболъстители. В детстве я даже тайно мечтала встретить вот такого сирийца, который на фоне косности и черствости наших закрытых мужчин казался мне самым воплощением соблазна.... Но всё волшебство таких мечтаний резко рассе-

ялось, стоило в моей реальности появиться Кариму Увейда-ту... Пусть лучше мужчина в моей голове будет черствым ханжой, который предпочел закрыть свою женщину от всего мира, дабы не терзать себя ненужными мыслями о собственной неуверенности. Зато не было бы иллюзий... А им свойственно разбиваться на множество осколков, что сейчас я и лицезрела в глазах воспитательницы.

– Не делай лицо таким трагичным, дорогая Кассия, – обняла я няню, – это ты живешь иллюзиями любовной поэзии твоих авторов из Шама (прим.-арабское разговорное название Сирии и Ливана), а моя правда другая. Этот обычай – часть моей культуры...

Стиснула зубы и пошла за тихой процессией женщин. Нас ждали в просторном помещении храма Исиды.

Вавилон пылал огнями. Не огнем разрушений, нет – пламенем факелов, светом тысяч светильников, озарявших улицы, арки и площади. По мощеным дорогам, усыпанным лепестками роз и шафрана, текла пестрая толпа. Барабаны били в такт сердцебиению города, трубы возвещали о начале великого праздника – дня, когда Иштар соединяется с Мардуком, принося земле плодородие, миру – жизнь, а любви – вечность.

На высоком помосте, в сердце храмового комплекса, я ощущала себя просто жертвой. Овцой на заклании. Сегодня я должна стать частью великого ритуала – священного брака, который наделит землю силой богов.

Но только впервые в истории моего народа этот ритуал был ради другого. Ради чужака...

Карим - завоеватель, чужеземец, пришедший с Востока, покоривший эти земли. Он не почитал богов Вавилона, но даже он не мог не восхититься величием этого города, магией его традиций и... мной. Я видела блеск в его глазах. Видела вожделение и интерес. Мое женское начало легко улавливало эти эмоции...

Я протянула ему руку - он взял её, ощущая тепло моей кожи. По традиции, он должен был вести меня в покои храма, где священный союз богов повторится в мире смертных. Но когда наши взгляды встретились, в них не было ни страха, ни покорности, ни завоевания.

Только огонь.

Это искра, что может разжечь или уничтожить её судьбу.

Толпа замерла в ожидании. Их шаги по мраморному полу отозвались эхом в бесконечных сводах храма.

-Ты боишься меня? - тихо спросил Карим.

-Ты боишься богов? - ответила она.

Его губы исказила улыбка превосходства.

-Маленькая наивная девочка Инна. Я и есть Бог...

И ночь сомкнула над нами звездный купол. Я прикрыла глаза, потому что точно знала... Сейчас в судьбу нашего народа вплетают новую легенду - о жрице и завоевателе, о земле и небе, о любви, что сильнее власти. Но только эта легенда была ложью. Пройдет время - и ее перепишут. Я перепишу.

На легенду о прекрасной правительнице, которая покорит и уничтожит чужака...

Жрец прочитал свои заповеди.

Нам снова пришлось взяться за руки.

– Пора... – с серьезными лицами посмотрели на меня жрицы.

И снова горящие лампы, и снова игра белых тканей меж колонн.

Карим остается позади, делая вид, что слушает наставничества жреца.

Только это совсем не интимно, совсем не прекрасно и чувственно...

Мы идем вглубь храма. Заходим в огромную церемониальную спальню. Внутри все начинает вибрировать от страха.

– Госпожа, располагайтесь на ложе, – обратилась ко мне одна из жриц.

Я бросила испуганный взгляд на устрашающего вида жезл, покоящийся на ткани рядом. Нервно сглотнула...

– Мы сделаем это быстро... – приободрила меня легкой улыбкой.

Я хотела было ответить улыбкой в ответ, но в этот момент полог ткани дрогнул, пропустив внутрь вип-гостя нашего «торжества».

Он полоснул по мне своим невозможным взглядом, сухо кивнул прислужницам, проигнорировав меня, тут же распо-

ложился на кресле, с которого, очевидно, открывался идеальный вид на происходящее...

Невольно сжала зубы и кулаки. Как же мне хотелось сейчас прыгнуть на него кошкой и расцарапать самодовольную морду...

Прислужницы начали колдовать вокруг меня. Вверх полетели тонкие белые шелковые полотна, призванные стать щитом, старшая из жриц приподняла подол моего платья, но их суетливые, но выверенные движения вмиг застыли под его решительное и категоричное «ля» (араб.— нет).

— Я пришел смотреть, а не угадывать,— произнес он с очевидным превосходством надо мной. И снова этот взгляд прямо в душу. Ненавижу...— тряпки долой... И платье тоже...

Глава 10

Женщины застыли в нерешительности. Я тоже. Словно бы окоченела.

– Но господин, такова традиция...

– Традиция в том, чтобы лишить ее девственной плевы палкой, – резко возразил он, – остальное – это ваше удобство. Я говорю – вы делаете – или я наплюю на традицию, даже Иннана? Не забывай, что у меня есть еще один пресловутый обряд в запасе и я могу воспользоваться своим правом...

Невольно усмехнулась про себя.

Чертов Карим.

А я ведь и рассчитывала на то, что он воспользуется... Планировала сжимать зубы от отвращения, но разрешить себя взять... Потому что если все пойдет по моей задумке, он никогда не согласится на третий обряд... А если и согласится, то пепел поражения на его языке будет равносителен самому жуткому поражению... Но для этого ему нужно сдать сейчас, а мне – сдать ему...

Вместо ответа на вызов резко встала с места и одним движением стянула с себя платье, упавшее на пол безвольной тряпкой.

Красивые золотые повязки на бедрах. Они почти ничего не прикрывали и тоже служили данью традиций. Но наглый мужской взгляд все равно на них задержался.

Карим не стеснялся оценивать мою женскую красоту и даже не стеснялся признать и словами, и видом, что она его волнует, но... Именно в этих признаниях и проявлялось то, насколько далеко он был от меня... Насколько презренна, ничтожна, неинтересна я была для него- покрытая с ног до головы черной тряпкой или вообще без единого кусочка ткани на теле.

Наши взгляды снова встретились. Подавила желание закрыть пышную грудь, когда его глаза спустились от шеи к восставшим на прохладе соскам.

Я легла обратно и сама развела ноги.

Господи, надо представить, что я просто на приеме у врача... Не думать, отключить сознание... Хоть бы быстрее все закончилось...

Старшая жрица снова взяла жезл с полотна и подошла ко мне, опустившись на колени.

По обычаю женщина должна почувствовать боль от дефлорации. Это ее плата за первородный грех. Я знала, что во время сексуального возбуждения твоя плоть может увлажниться самостоятельно, но... смысл традиции был как раз в том, чтобы не настраивать эти самые струны в душе женщины...

Открыто посмотрела на него... Сорвись, Карим. Сорвись. Ради своей страны я пожертвую гордостью и своей честью. Возьми меня, как оголодавшее животное, а после я утру свои слезы и выплону тебе в лицо, что теперь моя земля свобод-

на...

Он не шевелился. Рассматривал мою плоть, словно бы трогал. Кассия уверяла, что я вся красивая, как произведение искусства. Что во мне есть тонкость, манкость и холодность северной матери, но и огонь бабилонынки- и эти лед и пламень не дадут мужчинам выбора... Что это я, кто всегда будет делать выбор за них...

Откинулась на подушку, глубоко вздохнув. Напряглась, когда услышала скрип. Он встает и подходит ближе... Ну же...

Сорвись...

– Ты играла с собой когда-нибудь, Инна?– вдруг спрашивает он меня на русском, совершенно обескураживая.

Точно. Его мать русская. Он говорит на этом языке точно так же, как это делаю я- свободно. Зато вокруг никто не понимает. Вот его умысел.

Молчу, закусив губу. А он усмехается.

Снова трогает взглядом.

Красивый! Если бы не был таким жестоким и бессердечным, я бы сказала, что самый красивый, кого мне довелось видеть...

–Потрогай свои соски,– снова приказывает. Теперь хрипло.

Вся дрожу. О раздражения, отвращения и злости... Каков же гад... Каков!

Но делаю то, что он говорит.

Касаюсь грудей- и черт! Меня подбрасывает! Подбрасывает, как от удара тока. Ток отдает в низ живота.

Спираль в паху начинает расти и раскручиваться.

Его грудь тоже вздымается. Яростно, порывисто. Он не стесняется эмоций. Совершенно.

– Ниже... – снова приказывает, – проведи к низу живота.

Хриплый шепот на русском заставляет застыть всех. Они видят это безобразие. Господи, он не прикоснулся ко мне, а меня уже поимел...

Снова делаю так, как он говорит. Чересчур порывисто, нервно, потому что стесняюсь до чертиков.

Вот такого откровенного взгляда превосходства, вот такого темного мужского интереса...

– Нырни туда, – продолжает он. Трогаю свой бутон, развожу лепестки, замираю...

Карим смотрит прямо туда и облизывает свои губы.

Глава 12

Наверное, я была проклята при рождении. Мать рассказывала мне перед смертью, что родственницы мужа так и не приняли ее в свое архаичное, закрытое общество – чужачку из заснеженной России, которая слышала проклятия в свой адрес всякий раз, когда отворачивалась.

Это не помешало отцу самозабвенно и страстно пронести их любовь до самой ее смерти. Он привез мать из Сибири после окончания учебы в Советском Союзе вопреки всем законам и устоям. Ну, и наделала же шуму «невеста с Севера» для единственного сына правителя Вавилонии.

Дворцовые тайны, козни, неведомая культура... Я помню, как мама говорила, что пару раз думала, что не выдержит и сбежит... Но каждый раз отец зацеловывал ее злость и вымаливал еще один шанс...

Родители отца заняли выжидательную позицию, надеясь, что чужачка скоро надоеет молодому Зороху и он утратит к ней интерес... Не случилось...

Спустя несколько лет родители отца погибли в авиакатастрофе. Так мой папа стал новым молодым главой небольшого, но древнего и самобытного государства, вольным принимать решение за себя... Он сделал мою мать своей единственной женой и правительницей. И поклялся более не брать другой женщины... На удивление русская жена с бело-

снежными волосами ниже бедер пришлось тогда политически кстати. Хоть местные женщины и ненавидели ее, называя колдуньей снега, укравшей сердце их завидного мужчины, в среде арабских правителей тогда было немало тех, кто подобно моему отцу, выбрал себе в спутницы жизни русских женщин, чья красота не могла оставить равнодушными горячие восточные сердца.

Эту тенденцию понимали и многочисленные советники Зороха, которые стремились обеспечить затерянной во времени и цивилизации стране ее стабильность через лавирование между интересами региональных держав.

«Русский медведь», великая держава, помогала своим союзникам на Ближнем Востоке. Эти браки были своего рода физическим воплощением дружбы и любви между народами.

По злой усмешке судьбы, теперь я должна была стать женой мужчины, родившегося именно от такого союза. Кариму Увейдату было тридцать четыре года. Его матерью была загадочная красавица Влада из России, некогда приехавшая журналисткой в охваченную войной Сирию. Страсть властного Васеля Увейдата, будущего всемогущего премьера страны, к молодой русской девушке повлияла, как сейчас кажется, не только на их судьбу, но и на судьбу всей Сирии¹... От этого союза родились трое детей- двое сыновей и дочь. И вот,

¹ Историю родителей Карима можно прочитать в книге «Она моя», которая доступна на сайте бесплатно

один из них был назначен проведением стать моим мужчиной... Или палачом?

Что это было- проклятие? Незавидное стечение обстоятельств? Просто моя неудача?

Как только над Вавилоном нависла угроза, все начали обращаться к прошлому и вспоминать мою мать и ее появление в этих землях... Невиданная дерзость- впервые рядом с правителем чужачка, да еще и с немислимым цветом волос и глаз... Жрецы недобро качали головой и говорили, что ее появление вызовет гнев богов, что неприступная Вавилония будет разрушена спустя тысячелетия... Отец их не слушал. До последнего он правил справедливо. Народ не роптал и жил хорошо. Но когда Карим пришел на наши земли, злые языке не забыли вспомнить о том, что его появление неслучайно... Вот она, кара! Старик-таки поплатился! Нашей кровью поплатился и честью наших дев!

Так шуршали языки за спиной, подобно диким змеям.

А отец был слишком разбит и деморализован, чтобы как-то ответить...

Когда Карим сказал, что собирается брать меня в жены, сомнений в том, что это единственный для меня вариант не было. Я была плодом проклятья... Ребенком от чужачки... Мои белые волосы вызывали страх, шок, отчуждение... Так было и с мамой, наверняка. Наверное, потому отец и наказал всем ходить покрытыми с головы до ног... Не верю, что дело только в ревности. Он не был злым, авторитарным и жестким

человеком...

За меня он не боролся. Да и я сама все равно бы принесла себя в жертву... Может быть, хоть так я бы смогла искупить вину за грехи родителей, отдать дань своему народу...

– Девочка моя, не спишь?– услышала за спиной голос Кассии, вглядываясь в очертания погрузившегося в сон города. Завтра на рассвете я его покину...

– Куда до сна...

Кассия понимающе хмыкнула и обняла меня руками сзади.

– Возможно, мы посетим и Сирию, Иннана, мою родину. Там ведь живут его родители... Ты увидишь эту красивую страну...

Повернулась к милой няне и улыбнулась ей.

– Не стоит рассчитывать на нормальные отношения между мной и Каримом, дорогая Кассия. Уж чего-чего, а семейных застолий и визитов вежливости между нами не будет. И не только потому, что он такой человек. Потому что...– я нервно сглотнула,– я надеюсь, что этот брак разрушится еще до завершения праздника Акиту...

Кассия тяжело вздохнула.

– Может быть, было бы благоразумнее оставить агонию мести? Он заинтересован в тебе, попробуй построить с ним нормальные отношения... То, что он отказался от обряда...

– Говорит о его похоти...– усмехнулась я,– только и всего... Кассия, нельзя поддаваться соблазну прогнуться перед

сильнейшим. Не забывай, эти люди пришли на нашу землю с разрушением. Они насильовали наших девушек.

– Насильовали?– усмехнулась Кассия и отвела глаза,– я видела поведение наших девушек на обряде во время твоего танца... После вашего ухода началась настоящая вакханалия. Сомневаюсь я, что и тогда кто-то был против... Молодежь здесь устала жить в Средневековье, Инна. Они хотят перемен. Девушки буквально мухами облепили пришедших мужчин. А уж твой Карим...

– Он не мой!-резко перебила его я...

Кассия недобро вздохнула.

– Ты играешь с огнем, Инна. С огнем, который пылает не в храме, а в его груди. Он дракон...

– Он всего лишь ханжа. Высокомерный и авторитарный...

– Тебе может понравиться быть с ним как с мужчиной... Я видела, что он тоже тебя волнует... И ему понравится... Я не сомневаюсь...

Внутри все топорщилось и напрягалось. Мне не нравился наш разговор. Совсем...

– Более того, Кассия. За эти дни до третьего ритуала я должна влюбить его... Карим должен начать испытывать ко мне реальные чувства... Иначе мой план сорвется... Я не имею права на ошибку. Он должен отказаться от третьего ритуала, чтобы я была свободна!

Кассия снова недобро покачала головой.

– Опасные игры, девочка... Опасные игры, которые очень

легко могут стать жестокими...

Я снова посмотрела на погруженный в сон вечный город... Сейчас он затаился в драматической тишине...

– Какие игроки, такие и игры... – задумчиво произнесла я.

Глава 13

Я чувствую на себе его взгляд- тяжелый, даже не стремящийся скрыть свое внимание. Карим изучает меня, как подопытную зверушку. А спустя какое-то время, когда вертолет набирает высоту, а я отрешенно смотрю в окно, снисходительно усмехается.

– Летала когда-нибудь на вертолетах?

Мне сейчас хочется сострить и рассмеяться. Сказать что-то в стиле того, что мне неведомы эти железные крылатые машины из ада и он сейчас просто перевернул мое сознание, но... внутренний азарт почему-то говорит, что мне стоит промолчать... Пока...

Сделать вид, что я жуть как боюсь и не слышу его вопроса, объятая ужасом тряски в жутком агрегате, уносящем меня от земли.

Он снова хмыкает. И на лице даже какая-то тень сочувствия...

– Потерпи немного. Это вертолет последней модели на водородном двигателе. Ты еще не знаешь, какой бывает настоящая тряска в тех машинах, которые использовались раньше для перелетов по гористым местностям. Воздушные массы блокируются неровными хребтами и создают воздушные ухабы на трассе... Полтора часа- и мы будем на месте...

Я вживаюсь в роль. Наверное, даже бледнею. В сущности-

мне много и не надо. Если уж не вертолет, то как минимум неизвестная гнетущая реальность впереди все равно вселяют в меня ужас. Я правдоподобно вцепляюсь пальцами в мягкую обивку сидения, что снова не остается им не замеченным.

Ну да, в целом можно смело сказать, что я уже начала себя вести как девушка-Маугли.

Когда спустя полчаса за окном появляется испещренная береговая линия, он снова отрывает внимание от своего космического вида планшета и говорит, словно бы опять снизойдя до меня свысока.

– Внизу моя родина. Сахель. Побережье Средиземного моря. Через тридцать минут сядем в Пафосе.

– Почему Кипр?– все-таки решаюсь на нейтральный диалог с ним,– отец не смог поделить земли между всеми наследниками в Сирии?

Карим хмыкает.

– Мне не интересна власть в традиционном понимании слова, Инна. Власть в таком виде- это оковы. Это правила и ограничения. Вон, посмотри на себя. Ты вся скована этими цепями. Они даже в твоём воображении. Кипр-оптимальное место как плацдарм. Рядом, удобно, свободно, красиво... Оттуда контролирую все свои проекты, ни перед кем не отчитываюсь, не имею лишних глаз, но погружен во все сферы своих интересов. Я построил насыпной остров в нескольких километрах от Пафоса, знаешь?

– Как-то не приходилось ранее интересоваться твоими проектами и достижениями, – отвечаю едко, едва сдерживая раздражение от его высокомерия и даже хвастовства что ли.

Снова хмыкает и опять прилипает в экрану.

Дальше мы не говорим.

Я вышла из самолета в теплый кипрский вечер последней – жара уже не душила, но асфальт еще хранил ее память. Карим ждал у подножки трапа, в солнцезащитных очках. Телефон у уха, увлеченная беседа... Ни слова, просто кивок в направлении авто – и я села в пассажирское сиденье ламборгини, стараясь не касаться его руки.

Пока шла к машине, с удивлением обнаружила среди встречающих в числе прочих на вертолетной площадке Ашур, скользнувшего по мне кратким взглядом. То есть он уехал раньше? Специально тоже послала ему встречный взгляд.

Кортеж выстроился быстро – машины с натянутым блеском и людьми, слишком уверенными в себе. Мы ехали вдоль береговой линии, где закат ложился на воду тонкими слоями золота. Я смотрела в окно, наблюдая, как волны слизывают камни – те самые, о которых когда-то слагали мифы.

Здесь, у Пафоса, Афродита вышла из пены. Слишком красивая, чтобы быть счастливой. Слишком желанная, чтобы выбрать одного. Я всегда думала, что легенды – это просто украшения для туристов. Но сейчас в них было странно много правды. Это место было слишком сказочным, чтобы в них

не верить.

Здесь красиво. Воздух мягкий от моря, но при этом свежий от обилия растительности. Дышится иначе чем в пустыне- и это сильно бьет по голове.

Хочется спать. А может я просто слишком устала...

Я не стала отдавать предпочтение европейской одежде, чтобы не вызвать лишние расспросы у Карима. Пусть продолжает воспринимать меня средневековой дичкой.

На мне лилового цвета абая. Правда, я не стала накрывать волосы и лишь просто собрала их в хвост. Косметики на лице тоже нет.

Пока едем к его резиденции, молчу, смотря в окно.

Он погружен в созвоны, разговоры, обмен информацией.

А мне же хочется просто забыться во сне, надеясь, что его «обещание» будет исполнено не сразу по прилету.

Я почти полностью поглощена в себя и не вслушиваюсь в то, с кем и о чем говорит Карим. Но словно бы внутренняя сила из подсознания заставляет меня вынырнуть из забытья и вслушаться в его разговор именно в этот момент.

– Да, шамси (араб. – мое солнце), прилетел. Да... – он говорит мягче, спокойнее. Я даже, наверное, и не слышала раньше, чтобы он так разговаривал. Со мной так точно... – нет, не один...

На другом конце можно расслышать женский недовольный тембр.

Сибиль. Даже не сомневаюсь, что она.

Карим раздраженно выдыхает.

– Завтра поговорим, да!

Она снова что-то возражает.

Он недовольно косится на меня, а потом быстро переходит на курдский

и заканчивает разговор несколькими фразами на нем.

Я не поворачиваю голову на него, так и остаюсь прикованной к пейзажу за окном. Фантастической красоты гладь Средиземноморья аквамариновой полосой... Это море пленило даже греческих богов... Здесь они горели, влюблялись, разочаровывались, погибали и воскресали... Внутри как-то неприятно сжимаются невидимые тиски. Ощущение ненужности и нелепости накатывает пенной волной.

Карим снова кому-то набирает. На этот раз это Ашур. Я тоже понимаю это почти интуитивно. Он разговаривает с ним доверительно, но скупно. А еще говорит на сирийском диалекте арабского. Наверняка, чтобы я тоже не особо понимала... И я бы не понимала, конечно. Этот язык предельно далек и от иракского арабского, и от фусхи- общепринятой формы литературного языка... Если бы не Кассия, моя сирийская няня...

– Её уже привезли?– спрашивает Карим,– прекрасно. Такая, какую я заказывал? Невинна?

Его дружок что-то отвечает. Увейдат усмехается.

– Это хорошо. Наконец-то ты меня радуешь, друг... Угодил... Сегодня в семь. Ты и я. Объездим её, как любим...

Он кладет телефон. Я прикусываю губы в отвращении. Порочный, низкий тип. Высокомерный и циничный. Нельзя верить ни одному его слову.

А еще нельзя ни на минуту давать ему тактического преимущества...

Чувствую на себе жгущий взгляд.

– Что приуныла, принцесса? Кипр тебя не вдохновляет?

Нет, напротив. Меня не вдохновляешь ты и твой гарем на моих глазах.

Но молчу. Прикусываю губу.

Еще пару виражей- немного в холм. И глазам открывается захватывающая дух картина.

Его дом – если этот объект вообще можно так называть – возвышался на прибрежном утесе, будто и вправду, подобно своему хозяину, считая себя выше всего остального. Окна в пол выходили прямо на море. Отсюда берег казался диким, как в старых легендах, где боги бросали вызов людям.

Нас встретили почти молча – пара людей в форме. Я прошла сквозь прохладную тень сводов, и мрамор отозвался под каблуками глухим, ленивым эхом. Всё здесь было дорого, безошибочно подобрано: стекло, камень, металл. Ни одной фальши. Интерьер – словно обложка архитектурного журнала. Но есть ли в этом жизнь?

Встала, прислонившись к перилам террасы, слушая, как он что-то объясняет Ашуре – по тону было понятно: это «его» место силы.

– Инна!– вдруг резко обратился ко мне,– тебя проводят в твою комнату. Сегодня отдыхай, а завтра поговорим обо всех наших делах.

«Наших делах». Выразился-то как...

– Я... могу гулять по территории?– спросила я, когда он уже развернулся, чтобы отойти от меня.

– Можешь...– сказал после некоторой паузы,– только осторожно... Не во все уголки этого имения тебе можно...

–Ты про свой гарем, куда доставили новую невинную девочку?– дура. Зачем я это говорю? Зачем высветила, что все поняла и... уязвима?

Он с удивлением зависает на мне глазами, но потом берет себя в руки и хмыкает.

– Моя няня сирийка, Карим. Я знаю этот диалект.

Он лишь хмыкает. Ничего не говорит.

Разворачивается окончательно и уходит прочь...

Глава 11

«Вон, все!»— слышу приказ на задворках сознания.

Мы остаемся одни.

Чувствую, как нарастает жар вместе с напряжением, как меня скручивает. Нет... нет... Только не это... Не перед ним... Не тут... Это ведь оргазм, да? Сладкая нега, пронзающая каждую клетку тела... Только от его взгляда? Нет, нельзя... Чувствую себя жалкой, загнанной в тупик...

К глазам невольно подбираются слезы. Я сильно-сильно жмурюсь, жалобно всхлипываю. Начинаю остервенело качать головой.

Слезы выстреливают по щекам, подобно брызгам. Орошая горячую кожу. Больно, зябко, страшно... И унижительно...

– Давай скорее... жалобно хмыкаю,— это невыносимо... Вот это вот ожидание... невыносимо... Если собрался делать это сам, не унижай, а сделай уже!

Его горячее дыхание на моей щеке. Чувствую темную энергетику тела, нависающего сверху, но не соприкасающегося с моей кожей. Глаза Карима везде. Мне никуда от них не спрятаться. Почему... почему все это происходит со мной? Почему должна отдуваться за слабость мужчин моего народа, которые не нашли в себе силы противостоять агрессору? На мгновение хочется скулить от жалости к себе... От того,

что при любом раскладе моя женская сущность будет низведена до уровня муравейника и растоптана...

Этим мужчиной, обстоятельствами и моей же собственной судьбой... Вздрагиваю, когда его горячие пальцы касаются моей щеки и утирают слезы...

А дыхание становится хриплым и частым...

Открываю глаза, чтобы напороться на его совершенно одичавший взгляд. Сколько же в Кариме первобытного... Как его могут считать прогрессивным инноватором? Он страшнее самых диких, костных, темных мужчин Востока, от жестокости которых кровь стынет в венах...

– Котенок, играющий роль тигрицы.... – сипло хмыкает он и вжимается носом в мою щеку, размазывая по ней влагу, вдыхая её.

Это так дико, порочно, по-животному, интимно...

Вопреки воле и разуму, низ живота скручивается в унижительном спазме... Мне страшно... Мне... мне так, как никогда не было. И это пугает больше всего...

Пальцы сжимаются на подбородке, заставляют поднять лицо, заставляют смотреть на него.

– В постели с мужчиной женщина должна плакать только по двум причинам, Инна... – я нервно всхлипываю, когда он касается подушечками моих губ и размазывает мою же слюну и слезы, – после ошеломительного оргазма и... чисто из-за физиологии, когда член так глубоко в горле, что слезы льются автоматически...

Эти дикие, порочные слова на русском языке- как печать раскаленным железом, его ярмо. Жриц давно нет в комнате, мы с ним наедине, но он продолжает говорить со мной на русском. И я знаю, почему... Это материнский язык... Язык инстинктов... То, что откладывается под корку навсегда с рождения. Сколько бы мы языков ни знали, какие бы языки ни считали своими, сейчас говорит не рот, а нечто внутреннее...

Мое дробное дыхание прокатывается по груди спазмами. Карим не отстраняется. Страшно... Волнительно... Нет пути назад...

– Сделай это... Хватит меня унижать... – позорно умоляю его.

– Унижение, котенок? – снова усмехается, – несетт... Я еще даже не начинал тебя унижать... И мне это не интересно, Инна... Нет смысла унижать женщину. Это глупо... Вот ваши мужчины унижают женщин, облачая красоту в черные тряпки. Знаешь, почему? Самоутверждаются... Они слабаки. Легко быть смелым на фоне слабости... То, что я делал в отношении тебя, это не унижение, а пренебрежение... и поверь, пренебрежение от такого, как я- скорее благодать... Потому что мое внимание может слишком дорого тебе стоить...

– Разве есть что-то дороже того, что ты уже у меня забрал? – вырывается из груди быстрее, чем я думаю.

Зависает на мне глазами. Потом смеется. Тихо, медленно,

размеренно...

– Сейчас, Инна, здесь, подо мной- ты всего лишь женщина, а я всего лишь мужчина. И знаешь, что я тебе скажу? Нет ничего глупее дать какой-то палке разорвать себя... Это противоестественно, противоправно, это то, что навсегда взрастит в тебе комплекс жертвы, для которой все, что между ее ног-не благословение и дар, а тягота и долг... Я не обижаю девочек, Инна. Запомни. Это мой принцип. Мы можем бесконечно долго воевать с тобой как две личности, но не как мужчина и женщина. Не будет войны с девочкой, которая сейчас сжалась в тебе и бьется в страхе и ужасе... Хотя бы потому, что я не вправе поменять законы этого мира. Это женщина дает жизнь. Меня родила женщина. У меня есть сестры. И у меня, возможно, тоже будет дочь. Воевать сейчас с твоим женским началом- это плюнуть в лицо мирозданию...

Его слова ошеломляют. Дезориентируют...

Каков бес. Пугает меня, заставляет метаться в смятении по чертогам сознания... Я жадно хватаю воздух губами...

– Что... что ты тогда предлагаешь, Карим Увейдат?

Он внезапно отступает.

– Обряда не будет!– говорит жестко.

Мне бы выдохнуть... Ведь если бы меня сейчас проткнули этой штукой, шансов вернуть себе земли не было бы... Два очка в его пользу...

Он теперь не смотрит на меня. Вопреки моим ожиданиям,

небрежно подхватывает с пола мою тунику и кидает.

– Прикройся,– говорит сипло, отводя глаза.

– Что... это значит? – выдавливаю из себя, все еще чувствуя, как горят щеки...– как это понимать?

– Буквально,– раздраженно выплевывает в ответ,– терпеть не могу нелепое варварство. Ты бы видела себя со стороны. Жалкое зрелище. Схваченные в плен несчастные девы перед лицом группового изнасилования и то выглядят более отважными, чем ты перед видом этой палки.

Я нервно облизываю губы.

–Тогда...– хочу намекнуть, что тогда...

– Секса не будет,– отрезает снова, опять меня шокируя и дезориентируя, – сейчас не будет. Я не порноактер, если ты знаешь, кто это, чтобы трахать тебя под улюлюканье дикарей, ждущих снаружи. Да и не вижу в этом смысла. Ты должна забеременеть и родить. Главная сфера моего интереса в тебе – это как раз то, что у тебя между ног. Я не уверен, что эта кривая палка сомнительного качества и дезинфекции- идеальный вариант для нанесения столь деликатного повреждения. Не хватало еще полгода лечить воспаление. Нет уж. Избавь.

Он разворачивается и идет на выход.

Минутная слабость, даже какая-то искренняя, щемящая нежность, что я невольно ощутила под его пальцами, отступают... На их место снова приходит жесткий, бессердечный Карим... Отчужденный, циничный, высокомерный...

А я так и лежу, застывшая на ложе в одной нелепой позе, стыдливо прикрытая тонкой тканью.

– Можешь записать в копилку своих нелепых достижений, что я трахну тебя в первый раз не по дебильным обрядам, а по-человечески. У меня есть право на одну ошибку и я ею пользуюсь. Одно твоё условие я выполнил- ты оголилась в храме перед моими людьми. Выполню и третье. А вот второе произойдет по моим правилам.

Оборачивается на меня и усмешается.

– Но не потому, что я так сильно тебя захотел, Инна. Не стоит обольщаться. Просто терпеть не могу вот такое нелепое и бессмысленное варварство. Мне нужен здоровый ребенок. Это главное. И да... До твоего гребаного третьего обряда еще десять дней. Я не собираюсь торчать в этой глуши все это время. У меня дела дома, на Кипре. Полетишь со мной... Надеюсь, будешь вести себя в цивилизации, не как женщина-Маугли, если ты читала Киплинга и знаешь, кто это.

Глава 14

Моя комната красивая и просторная. Огромное окно на всю стену, вид на море с утеса. Интересно, зимой тут сильные штормы? Насколько комфортно жить в таком месте, когда нужно принимать на себя прямой удар стихии?

Почему-то невольно вылезла ассоциация с Каримом. Он такой, да. Вечно встающий вопреки, вечно супротив потоку ветра. Наверное, если бы он не переехал мою жизнь, не разрезал ее на сотни кусочков, я бы даже могла им восхищаться... Издалека. Знаете, это такие мужчины, даже чьи неказистые любовные похождения воспринимаешь со скрытым интересом. Он уникален-это точно. По-своему, сумасшедший, горящий своей философией- и оттого такой категоричный. И почему же нелегкая занесла его на мой скромный и тихий жизненный путь...

– Добрый вечер, госпожа, – услышала робкий стук в дверь.

Приятная девушка, нейтральная и корректная. Глаза кротко в пол, на лице- само смирение и участие... И еще что-то. То, что я пока не могла разобрать. Влюбленность в хозяйина дома? Интересно, сколько сердец он разбил? Раздражение на саму себя, что меня это почему-то волнует...

– Меня зовут Луна и я буду Вам прислуживать. Могу провести экскурсию по этому дому. Это мыс. Владения господина Карима очень большие... Могу рассказать, чем вам мож-

но заниматься, чтобы скоротать время...

«Можно»... Это слово зацепило меня, сильно...

– Присядь, Луна, – обратилась я к девушке. Она опасливо, но послушалась меня.

– Ты арабка?

– Сирийка... Моя мать прислуживала в доме у отца господина Карима.

Лояльная, значит. И точно, влюблена...

Девушка тушевалась. Все ее предложения помочь мне – разобрать гардероб, сделать массаж, накормить меня или напоить чаем, не впечатляли.

Сейчас мне точно было не до того...

Когда показалось, что мои планомерные отказы ее буквально довели до слез, застывших в глазах, я решила сделать шаг навстречу.

– Мои волосы запутались после путешествия. Могла бы ты помочь их прочесать?

– С радостью! – обрадовалась девочка.

Ее руки были нежными, мягкими, почти невесомыми... Удивительное дело, они учатся быть такими услужливыми или такими нужно родиться? Как такая «услужливость» трактуется мужчинами и не злоупотребляют ли они ею?

– Скажи мне, Луна, как тебе живется в этом доме и как тебе господин Карим?

– Хорошо... – ответила, сильно сжимаясь, – наверное, это нехорошо – обсуждать такие вещи за его спиной...

– Что ты... мы ничего не обсуждаем за его спиной. Я его жена и он сам сказал, что мне стоит погружаться в быт и уклад этого места. Разумно поинтересоваться у приставленной ко мне ближе всего девушке такими очевидными вещами... Это ведь даже важнее, чем знать карту мыса, принадлежащего господину Кариму. Выдохни, Луна. Я тебе точно здесь не враг, поверь...

Моя рука накрыла ее слегка подрагивающую руку, умело загребающую гребнем пряди моих волос.

Девушка промолчала. Подняла на меня озадаченный вид. Снова опустила глаза.

– Вы очень красивая, госпожа Инна. Очень...

Я лишь скромно улыбнулась.

– Не красивее, чем госпожа Сибиль.

Рука девушки снова дрогнула. И она сама начала трястись, как банный лист.

Снова эмоции. А мне нужны ответы на мои вопросы... И этот не задать я не могла... Она есть в его жизни- это данность. И судя по их разговору сразу по прилету, находится в ней очень плотно.

– Госпожа Сибиль бывает здесь часто? – продолжила я напирать.

– Госпожа Инна... Я... Мне...

– Между нами, Луна... Ты ведь понимаешь, что я его жена и никуда отсюда не денусь. Твои слова- только информация. Не секретная, ибо он тоже меня сюда поселил. Я просто

должна знать правду во избежание неприятных сюрпризов.

– Госпожа Сибиль вольна, как ветер,— ответила она через некоторую паузу,— она и тут, и там... Ее никогда не поймать. Даже господин не всегда может ее поймать... Она... она другая...

Ее слова укололи. В них было восхищение. Да, немного страха и даже отчужденности— Сибиль не была понятна скромной и традиционной Луне, но но этот восторг в ее словах невольно обескураживал...

И в чем же эта «госпожа Сибиль так вольна.»

– Она курдянка? Как они познакомились?

– Я думаю, Вам лучше задать эти вопросы господину Кариму...

Усмехнулась... Да, непременно... И он непременно мне все расскажет...

–Почти закончили, госпожа,— не без облегчения выдавила из себя Луна, явно надеясь сбежать от меня и моих расспросов как можно быстрее.

– Один последний вопрос, дорогая... Гарем господина Карима на мысе или на его насыпном острове? Где он держит своих... женщин?

Луна подняла на меня совершенно ошарашенный взгляд. Что, это красная линия?

– У господина Карима нет гарема, госпожа! Что вы! Он презирает само понятие такого явления! Даже удивительно, что Вы спрашиваете...

В горле пересохло. То ли от эйфории, то ли от азарта...

– Луна, – нетерпеливо взяла ее за руку, – последний вопрос... И обещаю, я буду очень лояльна к тебе... Сегодня по дороге из аэропорта Карим говорил с Ашуром по поводу какой-то невинной девочки, которую только привезли и он собирался ее объездить? Это... про лошадь?

Мне было унизительно это спрашивать, но ничего поделаться с собой я не могла...

Луна задумалась. Может быть, колебалась, стоит мне говорить или нет... На аккуратненьком лбу появился залом напряженности.

– Думаю, речь о машине. Вчера сюда привезли какой-то очередной космолет, которые так любит господин Карим. Он страстный поклонник машин устрашающего вида и дикой скорости...

Я едва не закричала от восторга. Машины... Страшные монстры из ада, которые, наверняка, должны жуть как пугать меня, судя по тому, как скептически и в то же время с иронией на меня смотрел Карим, когда мы сели в его авто в аэропорту. То, что он любит скорость и спорткары, я поняла сразу...

– И... откуда они... стартуют...

– Гараж господина Карима в здании по левую руку от главного входа. Но Вам не следует гулять там одной... Я бы предложила утреннюю ознакомительную прогулку по всей территории для начала. А сегодня, может быть, сделать Вам рас-

слабляющую ванную?

– Не надо, Луна,– улыбнулась я прислужнице,– иди, отдыхай. Ты и так мне помогла...

Как только за прислугой закрылась дверь, я быстро подаюсь к гардеробу, полностью заполненному новой одеждой с этикетками для меня.

Там были европейские вещи, но и традиционные. Такие, как носят у нас и в других более консервативных странах региона. Мой план был подобен замку на основании из зыбучих песков. Но как когда-то советовала мне мама, я решила довериться единственному верному компасу, который работает тогда, когда не работают остальные- интуиции...

Глава 15

Чистая импровизация. Это как игра на рояле. Ты знаешь законы гармонии. Знаешь ключевые аккорды и тональности. Знаешь настроение, которое хочешь задать своими витиеватыми танцами подушечек по черно-белым клавишам. В остальном- дорога по илистому дну. И даже если слегка сфальшивить в отдельных тактах, в целом посыл композиции будет понятен.

Она нужна для настроения, не для идеальной чинности прописанных и просчитанных камертоном нот на стане.

На мне легкое шелковое черное платье. Что-то под погоду и настроение в моем новом гардеробе, который я пока не изучала, ибо интереса совсем нет.

Я прихватываю шарфик того же материала и цвета. Он мне пригодится.

Волосы не закалываю. Во время движения люблю свободу, а не сдавленный затылок. И это красиво...

Выхожу на улицу после того, как удалось разглядеть в окне силуэт его статной фигуры, направляющийся от крыльца в сторону гаража.

К счастью, на пути никого нет. Никто не останавливает и не спрашивает.

Возможно, потому что я здесь вовсе не пленница... Или это только иллюзия.

Бежать-то некуда...

Вхожу в гараж и сразу вижу ее. Красивая. Наверное, мое сердце бы тоже дрогнуло...

Карим сразу замечает мою фигуру, оглядываясь на мои шаги. Словно бы он ждал... Не кивает в приветствии. Оценивающе пробегается по мне насмешливым взглядом, который не выражает сейчас ничего. Потому что его восторг не про меня и не для меня сейчас. Эта чертова машина намного сильнее его заводит... Я вижу. Досадно...

– Видела такие машины? – спрашивает он, проводя по ее футуристичным изгибам, – это богини в своем классе... Они дают человеку ощущение крыльев... Ни с чем не сравнимый кайф...

Подхожу. С опаской и благоговением рассматриваю ее и слушаю его.

Карим снова проводит по корпусу.

– Золотая девочка... Чистая... Созданная для меня... – его голос низкий, с хрипотцой. И он опять говорит по-русски. Между нами это теперь стало каким-то особым ритуалом... Не знаю, хорошо это или плохо, но пока правила игры задает он. Так что мне лишь подстраиваться...

– Прогрелась на солнце, – продолжает водить по корпусу, – но ты еще не видела, какой горячей она станет, когда я ее возбужу... Особый кайф для любого любителя таких игр, Инна, это первый раз... Первый раз управлять такой красавицей... Обуздать её. Покорить...

Черт. Дьявол. Что он сейчас делает? Говорит про тачку-а у меня дыхание спирает. Я плыву. Плыву от слов. Голова слегка кружится, а может это асфальт мягкий после дневного зноя и мои каблуки в него впиваются...

Он открывает дверь. Не залезает внутрь, но гладит по коже салона.

– Везде идеальна... Розовая плоть. Манящая и мягкая... В меру упругая... И ее изгибы, Инна. Изгибы, созданные для того, чтобы принести максимум удовольствия хозяину... – проводит по сидению, усмехается.

Мы оба давно понимаем, что он просто иронизирует. Играет словами.

Пытается вогнать меня в краску, транслируя совсем другое. Но это не умаляет того, что извращенец и правда хочет эту свою тачку.

– Могу прикоснуться? – спрашиваю я с опаской.

Он молча кивает. Наблюдает за мной.

И правда, идеальная... Люксовая машина- это особый кайф. И прочувствовать до конца его можно только хорошему водителю, любящему адреналин. Ее сила в умении создать единение. Ты- не ты, когда в такой машине. Ты- продолжение себя. Только со сверхспособностями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.